

«ИЗ СТАИ СЛАВНОЙ...»

*Они встанут из-под земли – славные, великие
литературоведы, ученые, оставившие учеников и
книги. Vita mortuorum in memoria vivorum est posita**

Аннотация

В статьях рассматривается научное наследие двух крупнейших русских литературоведов, представителей петербургской и московской школы истории и теории литературы: академика А.М. Панченко и Н.И. Либана.

Ключевые слова: А.М. Панченко, Н.И. Либан, феноменология культуры, древнерусская литература, Московский государственный университет, Пушкинский Дом.

Kibalnik S.A. Aleksander Michailovich Panchenko and the school of «the phenomenology of culture» of St.-Petersburg

Millionshchikova T.M. Nikolai Ivanovich Liban and the Moscow State University

Summary. The articles deal with the scientific legacy of the two eminent Russian scholars – A.M. Panchenko (St.-Petersburg) and V.I. Liban (Moscow).

С.А. Кибальник

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАНЧЕНКО И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА «ФЕНОМЕНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ»

Об Александре Михайловиче Панченко написано пока не так много, но зато писали о нем большей частью люди яркие, неординарные: например, А.Ю. Арьев, Н.С. Демкова, Е.А. Костюхин, Д.С. Лихачёв, М.Б. Плюханова, Г.М. Прохоров, Е.К. Ромодановская, И.З. Серман, О.В. Творогов... Писали о нем и иностранные слависты (Х. Трендафилов, И. Феринц), и наши питерские,

---

*Жизнь умерших продолжается в памяти живых (лат. Цицерон).

да и не только питерские, журналисты: прежде всего З. Курбатова, Л. Лурье, Н. Кавин, Вас. Пригодьич и др. Рачением С.И. Николаева, который и сам не раз писал и говорил о А.М. Панченко, все это, как и написанное самим исследователем, отмечено в вышедшем недавно справочнике, изданном Российской академией наук.

Большая часть этих работ представляет собой рецензии, юбилейные приветствия, написанные еще при жизни А.М. Панченко, или отклики на его смерть. Разумеется, вряд ли стоило бы искать в них сколько-нибудь развернутую характеристику и точное определение того места, которое А.М. Панченко занимает в истории науки и культуры. Впрочем, попытки дать их все же предпринимались. Уже через год после смерти ученого, в мае 2003 г., Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома посвятил очередные Малышевские чтения памяти А.М. Панченко. Постоянно пишут и вспоминают о нем на страницах журнала «Звезда» (А.Ю. Арьев, В.П. Бударагин, А.М. Кавин, А.А. Панченко), при этом стараниями В.С. Копыловой-Панченко и А.Ю. Арьева появляются публикации неизданных работ исследователя. Выходят новые издания его трудов.

Определенным этапом в решении обозначенной задачи стало и заседание Ученого совета Пушкинского Дома, состоявшееся 26 февраля 2007 г., на котором содержательные доклады прочли Ю.М. Прозоров и В.А. Ромодановская, а также говорили о наследии и личности А.М. Панченко, В.П. Бударагин, А.А. Горелов, С.И. Николаев, Г.В. Маркелов. Можно сказать, что подлинное осмысление научного творчества А.М. Панченко только еще начинается. Так, 70-летний юбилей А.М. Панченко, пришедшийся на 25 февраля 2007 г., начался с публикации концептуальной заметки А.А. Панченко «От «топики культуры» к «истории обывателя»», в которой была сделана попытка очертить творческий путь ученого и оценить значение сделанного им.

1

Современная ситуация в мире и науке отнюдь не снимает постановку вопросов, которыми занимался А.М. Панченко, а просто требует некоторой их коррекции. Понятие «нации» действительно считается некоторыми современными исследовате-

лями достаточно искусственным конструктом, изобретенным в эпоху становления и укрепления государств, который в век культурной глобализации (слухи о которой, впрочем, сильно преувеличены) теряет свое значение, а понятие «ментальности» так и не стало вполне научной категорией. Однако этого нельзя сказать, например, о категории «культурной идентичности». И если культурная идентичность современного человека часто бывает размыта вследствие процессов транскulturации, так что нередким явлением становится бикультурализм и даже апатридность (которые, впрочем, встречались и раньше, в том числе и в Древней Руси, но лишь гораздо реже), то все же при всем при этом она никуда не исчезает.

Действительное противоречие в позиции А.М. Панченко, которое, впрочем, было в большей степени свойственно исследователю лишь в последнее десятилетие его жизни и проявлялось в его не столько научной, сколько телевизионной публицистической деятельности, заключалось, на наш взгляд, в том, что он не мог принять окончательного перехода русской цивилизации от традиционного к модернизированному обществу и идеализировал первое из них. Между тем новый век привносил изменения в систему ценностей и «изобретал» новые традиции, а новые поколения русских решительно не могли согласиться с однозначной апологией Обломова и полным отрицанием Штольца и не желали «собирать клюкву», какой бы метафорой в устах ученого это ни было. Однако общественная и научная позиция А.М. Панченко в этом плане и сейчас, в период очередного отказа русских от самих себя в культуре и сплошного «перевода с английского» в гуманитарной науке, выглядит как важное напоминание о необходимости «самостоянья народа», так же как и «самостоянья человека».

2

Мне кажется некоторым упущением то, что, говоря об истории отечественной гуманитарной науки этого времени, никто так ни разу и не сказал о существовании в Петербурге особой научной школы – причем не «школы медиевистики», а филологической и культурологической школы, связанной в первую очередь с именами Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко, с определенными оговорками –

Г.М. Фридлиндера, В.Э. Вацура, Б.Ф. Егорова, Ю.М. Лотмана, А.Х. Горфункеля, в какой-то степени – В.В. Колесова и многих других ученых. Полагаю, что многие и из ныне действующих «пушкинодомцев» – в частности В.Е. Багно, В.Е. Ветловская, Г.Я. Галаган, А.А. Горелов, А.М. Грачева, А.Г. Гродецкая, Н.Ю. Грякалова, П.Р. Заборов, В.А. Котельников, Н.Д. Кочеткова, А.В. Лавров, С.И. Николаев, Н.В. Понырко, Ю.М. Прозоров, Г.М. Прохоров, В.Д. Рак, С.А. Фомичёв – также полностью или хотя бы частично принадлежат к этой школе. Это упущение приводит к тому, что когда речь заходит о недавнем прошлом отечественной филологии, то, как правило, говорят о «тартуско-московской семиотической школе», а заодно в лучшем случае называют кого-то одного из питерских ученых. Между тем у петербургской и в первую очередь «пушкинодомской» школы истории и теории культуры по крайней мере не меньше, если не больше оснований, чем у тартуско-московской семиотической школы, для того, чтобы из нынешней исторической перспективы рассматриваться как определенное единое целое.

Для обозначения этой школы в настоящей статье, поскольку речь в ней в первую очередь идет о А.М. Панченко, я пользуюсь следующим термином самого исследователя: «феноменология культуры». В принципе для ее обозначения можно было бы использовать и другие термины, например «конкретное литературоведение», который использовал Д.С. Лихачёв, однако он представляется менее удачным. Понятие «феноменология явлений культуры», или «феноменология культуры», А.М. Панченко, в частности, употребил в своей работе о древнерусском юродстве, вошедшей в написанную им совместно с Д.С. Лихачёвым и Н.В. Понырко книгу «Смех в Древней Руси». «Хочу предупредить, – оговаривался здесь А.М. Панченко, – что тому, кто интересуется историей юродства, эта работа вряд ли понадобится. Это разделы из феноменологии юродства, попытка объяснить некоторые черты этого явления, которые мне кажутся существенными: зрелищность юродства и элементы протеста в нем». Очевидно, что речь идет здесь о таком сущностном описании отдельных как формальных, так и содержательных сторон культурных явлений, которое носило бы одновременно и характер их объяснения. Противопоставление истории определенно указывает на то, что «феноменология куль-

туры» здесь занимает место, традиционно отводимое теории, по поводу отсутствия которой у А.М. Панченко одновременно сетуют и И.П. Смирнов, и А.А. Панченко.

«Феноменология культуры» – это и есть особым образом понятая теория, если вкладывать в это слово тот смысл, который обычно предполагает национальная культурная традиция: не абстрактное знание, а знание, основанное на глубоком погружении, вживании в исторический материал и интуитивном постижении, описание существенных сторон явления и объяснение через него его природы, специфики. В этом смысле сама научная платформа А.М. Панченко обнаруживает глубинную связь с национальной культурной традицией, для которой характерно недоверие к абстрактной теории, упускающей из своего поля зрения само явление.

Истоки такой гносеологической позиции можно не без основания видеть в традиционном иррационализме русской культуры, в идеале «живого знания» (Ф.М. Достоевский), в присущем русской философии культе интуиции, в философии «всеединства» и наиболее непосредственным образом в идее «предметного мышления», которую, в частности, развивал С.Л. Франк. В понимании Франка мышление определяется как «самооткровение некоей целостной реальности», как «мышление, которое никогда не удаляется от конкретной полноты реальности».

Для того чтобы проиллюстрировать, насколько такое отношение к теории литературы характерно для Пушкинского Дома, позволю себе процитировать свою собственную книгу «Художественная философия Пушкина»: «Одной из методологических основ данной работы является убеждение автора в необходимости построения новой, эмпирической теории литературы, т.е. такой теории, которая не парит над ее предметом на высоте птичьего полета, с которой он видится искаженно, а имеет этот предмет в поле полноценного зрения. Такая теория свободна от формализованной абстрактности традиционной теории литературы и базируется на осмыслении и переживании разнообразных явлений культуры в их взаимных отношениях. Применительно к такой теории цитируемое далее высказывание Гёте оказалось бы уже неверным: “Теории – это обычно результаты чрезмерной поспешности нетерпеливого рассудка, который охотно хотел бы избавиться от явлений и по-

этому подсовывает на их место образы, понятия, часто даже одни слова”». По существу об этом же напоминает В.Е. Ветловская: «...любые обобщения должны исходить из правильного анализа единичных явлений», и этот принцип повторяется как заклинание во многих работах исследователей Пушкинского Дома и других ученых, разделяющих принципы петербургской школы «феноменологии культуры», независимо от того, где они живут и работают.

3

Однако у А.М. Панченко имело место отрицание не всякой теории, а лишь отрицание теории литературы. Зато теоретические представления, почерпнутые им из смежных гуманитарных дисциплин: культурной антропологии, этнографии, философии истории, – использовались им широко и плодотворно. По существу А.М. Панченко, как и другие представители «петербургской школы», был скрытым интердисциплинарием: литературный этикет, стихотворная культура, топика культуры и другие понятия, выводящие нас за пределы собственно литературного текста, были для него, как и для Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, Б.Ф. Егорова и В.Э. Вацура, вполне обиходными.

Важное отличие интердисциплинарного подхода «петербургской школы» от интердисциплинарности современной гуманитарной науки заключается, однако, в том, что применение методов и понятий, почерпнутых из смежных гуманитарных дисциплин, осуществлялось ее представителями все же на строгой филологической основе и тем самым обогащало наш взгляд прежде всего на литературу и культуру в целом. Между тем современная междисциплинарность, идущая об руку с изменением коммуникационной среды и снижением роли литературы в культурах – даже в таких, как русская, – зачастую предполагает отказ от базовых принципов филологии, например таких, как специфика художественного текста, а следовательно, и переориентацию с изучения собственно литературы на социологию повседневности. Таким образом, междисциплинарность петербургской школы феноменологии культуры, в отличие от интердисциплинарного подхода современной культурологии, сохраняет четкую привязку к своему основному

предмету изучения – литературе и к своей базисной дисциплине – филологии.

Помимо особого понимания соотношения между историей и теорией, которое, в частности, требовало теоретического осмысления желательного не чужого, а собранного самим исследователем историко-культурного материала, восприятия литературы как существенной и сущностной части русской культуры вообще и связанной с этим особой интердисциплинарности на базе филологии, для «петербургской школы феноменологии культуры» характерны также следующие черты. Во-первых, это особое внимание не только к текстам, но и к стоящей за ними, согласно представлениям этой школы, живой жизни, реальности. Недаром не только А.М. Панченко, но и Ю.М. Лотман и В.Э. Вацуро так часто говорили о живых деятелях прошлых эпох (причем необязательно писателях), так много опирались в своих исследованиях на мемуаристику (вспомним цикл телевизионных передач Ю.М. Лотмана), так были внимательны не только к самой классике, но и к стоящему бок о бок с ней интерпретатору (в этом плане наиболее ярким примером является Б.Ф. Егоров).

Другая черта школы – это установка на поучительность занятий историей культуры, «просветительские иллюзии», о которых писал А.А. Панченко. Между прочим, это связано с тем, что ведущие представители этой школы занимались именно классикой: древнерусской литературой, Пушкиным, Достоевским (и, между прочим, не писали о массовой литературе: например, ни Лотман, ни Вацуро не писали о Ф.В. Булгарине и Н.И. Грече, что вошло в обиход позднее). А классика – от митрополита Илариона до Пушкина и Достоевского – предполагает душеполезное действие, установку на пробуждение «добрых чувств», хотя именно средствами самого искусства, «красотой», а не тенденцией. Так что представители этой школы не вносили «просветительские иллюзии» в классику от себя, а скорее проецировали эти заложенные в русской классике установки на современность. Об этом, кстати, А.М. Панченко не раз писал и говорил достаточно прямо.

Еще одна объединяющая черта школы – это петербургская выучка с ее серьезной начальной базой эмпирического историко-культурного исследования, особое внимание к петербургской теме в русской культуре или, точнее сказать, собственно к Петербургу

как действующему лицу русской литературы, к петербургскому периоду русской истории. Когда к этой же теме обращаются, например, московские исследователи, как, например, В.Н. Топоров, то их внимание привлекает прежде всего так называемый «петербургский текст русской литературы», который, собственно, создан преимущественно писателями-непетербуржцами (главным образом москвичами) и является в значительной своей части скорее антипетербургским текстом. Сюда же следует отнести и такую черту школы, как убеждение в европеизме русской культуры.

4

Многие из принципов научного направления А.М. Панченко характерны также и для других названных выше представителей «петербургской школы». Впрочем, в литературе, посвященной, например, Ю.М. Лотману и В.Э. Вацуру, хорошо показано, насколько погружение в эпоху, интерес к литературному быту и этикету, петербургской традиции в истории русской литературы и гуманитарной науки характерны для этих исследователей. А «своеобразие работ Г.М. Фридендера как теоретика и историка литературы» его коллеги, включая самого А.М. Панченко, усматривали «в том, что он неизменно рассматривал в них историю русской литературы в широком культурно-историческом контексте»: «В то же время – в противовес догматизму тогдашней марксистской науки – он в каждой из них стремился утвердить взгляд на литературу как на самостоятельную, внутренне свободную духовную деятельность, идею преемственности литературного развития, а также исторической изменчивости самого объема понятия “литература”, сочетания в художественном творчестве личностно-индивидуального, эпохально-исторического и вечного, общечеловеческого начал».

Некоторые принципы «петербургской школы» легко выявляются, если обратиться, например, к тому, что писал о А.М. Панченко Д.С. Лихачёв и что в свою очередь А.М. Панченко писал о Д.С. Лихачёве или о В.П. Адриановой-Перетц. Например, в Д.С. Лихачёве А.М. Панченко выделял: 1) связь научных интересов с жизненными обстоятельствами, которые «сделали Петербург – Петроград – Ленинград постоянным персонажем творче-

ства Д.С. Лихачёва», и в первую очередь «его кровную и непреходящую связь с Ленинградом», а также связь его с петербургской научной традицией (прежде всего с текстологической школой петербургской медиевистики: В.П. Адриановой-Перетц, А.С. Орловым и др.); 2) естественный выход за пределы литературного текста (поскольку «искусство Древней Руси – синтетическое искусство, объединяющее слово и музыку, движение, живопись и архитектуру»), обращение к культуре в целом и, как следствие, особого рода междисциплинарность на базе филологии: «Д.С. Лихачёв стремится расшифровать “язык культуры”, а язык, даже если он не пользуется фонемами и литерами, всегда остается в ведении филологии» (с. 222); 3) установку на создание «гуманистических, необходимых современному человеку ценностей» за счет «воскрешения ценностей, накопленных нашими предками, – тех святынь, которыми творилась и поддерживалась Россия как духовная сила» (с. 222). Нетрудно уловить сходство даже и на уровне некоторых сквозных идей. Так, то «единство русской культурной традиции», о котором так много писал сам А.М. Панченко и которое его исследователи выделяют как одну из основных его идей, сам А.М. Панченко не раз подчеркивал в работах Д.С. Лихачёва. Последний же, в отличие от славянофилов, не усматривал «разрыва с национальной традицией» (с. 219) даже в переходе от русского Средневековья к Новому времени.

5

Вообще в противоположность московской филологической традиции «петербургская школа» базируется не на лингвистике, а на текстологии и сравнительно-исторических исследованиях, восходящих к А.Х. Востокову. Напомню в связи с этим высказывание Б.А. Успенского: «Различная ориентация петербургской и московской научных школ имеет давнюю традицию: Фортунатов в Москве – Веселовский в Петербурге. Дурново, Трубецкой, Якобсон, Шахматов связаны с Москвой и московской научной традицией. Одновременно традиционен был низкий уровень московского литературоведения, выразителями которого были Стороженко и Алексей Веселовский».

К этому следует добавить некоторые другие различия между петербургской и московской филологическими традициями, сформулированные В.В. Колесовым: «Петербургские ученые в своих исследованиях идут от семантики к форме, московские предпочитают обратный путь; даже влиятельное в первой половине нашего века учение “формалистов” неоднородно в этом смысле: московские формалисты “феноменологичны”, ленинградские – “семиотичны”. Петербургские филологи полагают, что культурные ценности функционально оправданны (стиль есть функция), тогда как для московских коллег именно формально-стилистический уровень определяет меру ценности того или иного явления». Даже именованная дисциплина, которые включены в изучение этих проблем сегодня, определенно различаются: с одной стороны, это «герменевтика» (в том числе лингвистическая герменевтика), а с другой – непонятная наука «культурология».

Оговорюсь, что, как и у В.В. Колесова, речь в настоящей статье идет не столько о географических различиях, сколько о различиях в научных традициях, которые в настоящее время могут проявляться в полном противоречии с географической «пропиской». Так, тартуско-московская семиотическая школа развивала традиции ленинградского ОПояЗа, а петербургская школа «феноменологии культуры», прежде всего в лице А.М. Панченко, – московского ГАХНа. Кроме того, последняя опиралась на культурологию петербуржца М.М. Бахтина и феноменологию москвича Г.Г. Шпета, а также антропологию москвича Н.С. Трубецкого и историософию петербуржца Г.П. Федотова.

Что касается второй половины вводимого нами понятия, то в том виде, как оно было представлено у А.М. Панченко: «феноменология культуры», – оно кажется совсем не случайным и, в общем, довольно удачным. Помимо сказанного на этот счет выше замечу, что и историко-философские основания этого понятия просматриваются достаточно легко. Может быть, здесь стоит говорить о традиции, идущей не от Э. Гуссерля, а от М. Шелера, для которого возвращение к «дающим себя самим вещам» было самым действенным методом истинного метафизического метода: «Оно не предается беспредметным спекуляциям или конструированию систем, но благодаря исследованию данного и действитель-

ного полностью превращает метафизику в “науку” о самом бытии, к которой стремятся философы начиная с Аристотеля».

Современный исследователь отмечает, что в самом общем виде феноменологический подход предусматривает «полное духовное переживание, которое присутствует уже в актах интенции, в разнообразных видах “сознания о чем-то”»; в основе его лежит «живейший, интенсивнейший и непосредственнейший, происходящий в переживании “контакт с самим миром”». Поэтому-то открывающийся в ходе феноменологического созерцания смысл предстает не как абстрактная форма, а как «то, что *внутренне присуще самому предмету, его интимное*». Следование феноменологическим процедурам выступает, таким образом, как неперемнное условие восприятия художественного произведения, позволяющее осушествить диалектический переход от чтения к анализу.

Неудивительно, что тот же процитированный выше исследователь феноменологических принципов литературоведческого исследования констатирует: «В современной ситуации в России (на Западе чуть раньше, уже с начала 70-х годов) четко просматривается смена научных парадигм – переход, условно говоря, от структурализма к феноменализму, от деконструктивизма к онтологии художественного творчества». Добавим к этому, что, говоря о петербургской школе «феноменологии культуры», следует иметь в виду даже не столько феноменологию М. Шелера, сколько феноменологию С.Л. Франка и Г.Г. Шпета, на которого, кстати, не раз прямо ссылался Д.С. Лихачёв. Возможна здесь косвенная связь с феноменологией и через М.М. Бахтина, между построениями которого и основными идеями феноменологии продемонстрировано достаточно много параллелей.

Разумеется, эстетика Бахтина, на которую А.М. Панченко и Д.С. Лихачёв прямо ориентировались в своей книге «Смех в Древней Руси» и которую не случайно «оценивают как вариант феноменологической герменевтики, а саму эволюцию мыслителя (если о ней вообще можно говорить) – как движение от феноменологических посылок познания к задачам герменевтической науки», тоже могла предопределить то обстоятельство, что свой метод работы в этой книге А.М. Панченко обозначил термином «феноменология».

6

Говоря об истоках школы «феноменологии культуры» применительно к А.М. Панченко, следует заметить, что, справедливо указывая на его разногласия с Л.Н. Гумилёвым и чуждость «евразийству», исследователи нередко забывают о том, что русские евразийцы 1920–1930-х годов – в частности П.Н. Савицкий, с которым А.М. Панченко познакомился во время своей учебы в Праге, или Н.С. Трубецкой, которого он переводил, – были замечательными для своего времени культурными антропологами. И некоторые свои темы – например, интерес к «общеславянскому элементу в русской культуре» или проходящее красной нитью через его работы представление о культурно-историческом своеобразии и равноправии культур («Культура – это *единый процесс, все отрезки которого равноправны*» – «О топике культуры») – А.М. Панченко явно воспринял от них. Да и само широкое понимание филологии с выходом на историософию и культурную антропологию, о котором речь шла выше, безусловно, идет от них, а также от петербуржца Г.П. Федотова, которого А.М. Панченко высоко ценил.

Разумеется, и личность, и исследовательская манера А.М. Панченко глубоко своеобразны и уникальны. Однако для всех, кто знал или хотя бы слушал его, это настолько очевидно, что в доказательствах не нуждается. Вот почему в настоящей статье речь преимущественно шла о его принадлежности к школе, одним из самых ярких представителей которой он был и в развитие которой он внес необычайно ценный вклад. Заклучая эту предварительную постановку темы, хочу сказать, что, разумеется, время выявило в петербургской школе феноменологии культуры не только достоинства, но и недостатки. Однако они заключаются, с моей точки зрения, вовсе не в стремлении описать национальную топику, как полагает А.А. Панченко, а в недостаточном ощущении ее культурной изменчивости.

Я полагаю, что, отстаивая единство русской культуры, А.М. Панченко все же переносил «консерватизм средневековой культуры», о котором сам он писал в рецензии на книгу А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», на Новое время, в том числе и на искусство модернизма, в котором многое только кажет-

ся похожим на классику, а на самом деле существует в рамках уже совсем других парадигм. Общие мотивы между средневековой культурой и искусством Нового времени есть в некоторых случаях лишь абберация исследователя реликтовых форм культуры, который нацелен на усматривание старого в новом, но не может, в силу выше охарактеризованных процедур «погружения» в древность, в полной мере ощутить новаторский, ни на что не похожий характер явлений новой культуры.

Возможно, в таких случаях можно было бы с бóльшим основанием говорить о культурных архетипах, чем о национальных исторических константах. Однако это критическое замечание в адрес методологии А.М. Панченко может служить отнюдь не лишним свидетельством живучести и способности к развитию петербургской школы феноменологии культуры, на достижениях которой и основан в значительной степени научный авторитет Пушкинского Дома.